

Вяч. Иванов — Н. А. Оцупу

Рим, 24 августа 1947.

Дорогой Никита Авдеевич,

Давным давно — с Пасхи, — все собираюсь написать Вам, поблагодарить за память и весточку и сказать Вам что-то душевное, внутреннее, — что и просит сказаться всякий раз, как подумаю о Вас, а вспоминаю Вас постоянно; но «заботы века сего» все время заглушают — не мысль о Вас, а по крайней мере слово, которое хотело сказаться. Собирался я и попенять — для первого-то знакомства — Вашей жене за то, что, будучи в Риме в Ваше отсутствие, не пожелала без Вас навестить меня, а жаль — без Вас то и хорошо было бы о Вас позлословить. Вывела меня из моей предосудительной летаргии прилагаемая «дописица»: не зная, что я могу и чего не должен сообщать о Вас, поверяю ее на Ваше воззрение; если будете писать Вашей, по-видимому, поклоннице, приветствуйте ее и от меня. Итак, ныне Вы пренебрегаете словом, повторяя грешную обмолвку Тютчева о лжи изреченной мысли (всякая грешная обмолвка подхватывается людьми с восторгом), я за это на Вас почти сержусь, — тем более, что Вы прикрываете писательский грех «праздности и уныния» (у Пушкина; «Владыка дней моих! дух праздности унылой...») благочестивыми соображениями о том, что к «вечности готовится пора». Наилучшее приготовление к вечности есть добрая и, следовательно, непременно деятельная жизнь в ее предверии, то есть в земном времени: ведь до истинной, священной *Vita contemplativa* мы, в миру о небесном мечтающие, не доросли. Если мысль изреченная оказывается ложью, то она была ложью изначально, в самом сердце человека, откуда истекла. И таких великолепно украшенных лжей и соблазнов в Тютчеве было немало. Есть мысли неизрекаемые, неизглаголаемые по своей высоте и святости; об них *par definition* следует молчать (разве лишь, в крайнем случае, намекнуть на них символом), и насильственно (кощунственно!) их изрекающий неизбежно их искажает, но в этом виноват он сам, а не слово. Вам же, после двух великих и светлых событий Вашей

жизни, должно много работать в слове. Ведь Вы — поэт, а прямое назначение поэта — славить: Вам ли, именно теперь, не благодарить и не славить? (Псалом 56: 8.9: «Готово сердце мое. Боже, готово сердце мое; буду петь и славить. Воспрянь, слава моя, воспрянь, псалтирь и гусли! Я встану рано» (по еврейски: «разбужу зарю»)). Но прежде всего долг каждого русского, решившегося восполнить свое православие признанием вселенской правды Петра — рассказать о духовном пути, приведшем его к этому решению. Итак, автобиографический отчет о пережитом (а опыты Вашей жизни богаты и разнообразны) для Вас приобретают особенный, ответственный смысл. Хочется, кстати, по привычке стихотворцев, — выписать здесь вступление к моему «Младенчеству»:

«.....»

Роман, дорогой друг, пишите широкий роман в прозе: Вы же, как художник, существенно реалист, О романе же не скажешь; «мысль изреченная есть ложь», или, как этот афоризм перефразирован: «подмена правды и жизни словами». Он (пусть он будет, если того хочет Муза, также автобиографическим) может и должен быть самого правдой и самой жизнью. Откликнитесь, если охота, и расскажите побольше и поконкретнее о себе и жизни Вашей. Передайте мой глубокий и сердечный привет и супруге Вашей.

Ваш Вяч. Иванов.

P. S. Кланяется Вам Ольга Александровна — Фламинго. А дочь и сын теперь в Швейцарии.

